

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ЭФФЕКТОВ И МЕТОДОЛОГИИ ИХ АНАЛИЗА

В. Н. Сыров

Томский государственный университет, Томск, Россия
narrat@inbox.ru

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0038

В статье предпринят анализ потенциала и перспектив «культуры отмены» в оценке места и роли семейных ценностей в современном обществе и предложен вариант разработки методологии их исследования. Для решения этой задачи осуществлена общая характеристика результатов, достигнутых в исследовательской и публицистической литературе в обсуждении и осмыслении этой достаточно неоднозначной темы. Указывается, что в статье визуальность и наглядность будут трактоваться как синонимы. Предполагается, что базисной целью «культуры отмены» является восстановление нарушенной социальной справедливости, а именно в форме сексизма, гетеросексизма, гомофобии, расизма, буллинга и тех или иных форм домогательств, в отношении объектов, не способных по тем или иным причинам к сопротивлению, объектом – как правило, значимые персоны, их высказывания или действия либо те или иные социально-культурные продукты, а средством реализации – те или иные формы осуждения, применяемые, по словам сторонников «отмены», в силу неэффективности действия традиционных механизмов. На основании результатов анализа осуществлена оценка тех критических доводов, которые предъявляются «культуре отмены», как правило, в литературе более публицистического толка. Преобладание критического пафоса, распространявшегося и на суждения отечественных авторов, подтолкнуло к более пристальному анализу текстов с позитивной оценкой и тех выводов, которые в них делаются. На основании их осмысления выработана теоретико-методологическая рамка, которая могла бы стать продуктивной в характеристике как самой «культуры отмены», так и объектов, к которым она применяется или может быть применена. В частности, предложена методология оценки их символического статуса и интерпретации. В итоге предпринята попытка применения полученных результатов к анализу «семейных ценностей» путём их тематизации в конкретных исторических и социальных условиях, что позволило выработать методологию их анализа, в частности в направлении определения и отбора индикаторов данных понятий для последующих эмпирических исследований.

Ключевые слова: культура отмены, гендерная проблематика, семейные ценности, культура ответственности, конвергентная культура, новая этика, символический объект

“CANCEL CULTURE” AND FAMILY VALUES: A PROSPECT FOR THE INTERPRETATION OF VISUAL EFFECTS AND A METHODOLOGY FOR THEIR ANALYSIS

Vasily N. Syrov

Tomsk State University, Tomsk, Russia
narrat@inbox.ru

The article analyzes the potential and prospects of “cancel culture” in assessing the place and role of family values in modern society and proposes a version for developing a methodology for their research. To solve this problem, the results achieved in the research and journalistic literature in the discussion and understanding of this rather controversial topic were characterized. It is assumed that the basic target of “cancel culture” is the recovery of violated social justice, namely, in the form of sexism, heterosexism, homophobia, racism, bullying and certain forms of harassment, in relation to objects that are not capable of resistance for one reason or another; the object is, as a rule, significant persons, their statements or actions, or certain sociocultural products; and the tools of implementation are certain forms of disapproval used, according to supporters of “canceling”, due to the ineffectiveness of traditional mechanisms. Based on the results of the analysis, an assessment was made of critical arguments made on “cancel culture” in mostly journalistic literature. The thesis about the suppression of freedom of speech as an essential characteristic of “canceling” is called into question. The predominance of a critical attitude, also characteristic of Russian authors, prompted a closer analysis of texts with a positive assessment, and the conclusions that are drawn in them. It is argued that the key purpose of “cancel culture” is rather to create a sense of responsibility. Based on the understanding of the texts, a theoretical and methodological framework was developed that could become productive in characterizing both “cancel culture” and objects that are or can be canceled. In particular, a methodology is proposed for assessing objects’ symbolic status and interpretation. It is argued that it is based on an interpretation of the movement of modern society towards increased diversity, which implies a refusal to apply unified interpretations and explanations to its different segments. As a result, an attempt was made to apply the results obtained to the analysis of “family values” by thematizing them in specific historical and social conditions, which made it possible to develop a methodology for their analysis, in particular, in the direction of defining and selecting indicators of

these concepts for subsequent empirical research. It is concluded that even the preservation of the traditional set of such values suggests that they can (a) have different significance and different values for different individuals; (b) have different interpretations, the most typical versions of which should be reflected; (c) give rise to various and, above all, negative consequences; (d) assume a different normative ideal in the interpretation of the so-called "good family".

Keywords: cancel culture, gender issues, family values, culture of responsibility, convergent culture, new ethics, symbolic objects

DOI 10.23951/2312-7899-2025-1-117-137

Введение

В статье осуществлён анализ потенциала и перспектив «культуры отмены» применительно к определению места и роли семейных ценностей в современном обществе и предложены пути разработки методологии их исследования. Для решения этой задачи предпринята общая характеристика тех результатов, которые достигнуты в исследовательской и публицистической литературе в обсуждении и осмыслении этой достаточно неоднозначной темы. Подчёркнуто, что в тексте визуальность и наглядность трактуются как синонимы. На основании полученных выводов проведён анализ критики, предъявляемой «культуре отмены». Он подтолкнул к более пристальному анализу аргументов в текстах позитивного характера и тех выводов, которые в них делаются по поводу оценки места и роли «культуры отмены». Их осмысление дало основание для выработки теоретико-методологической рамки, которая, как нам кажется, могла бы стать продуктивной в характеристике как самой «культуры отмены», так и объектов, к которым она применяется или может быть применена. В итоге была предпринята попытка применения полученных результатов к анализу темы «семейных ценностей с целью определения и отбора индикаторов данных понятий для последующих эмпирических исследований.

Свойства «культуры отмены»: материалы и методы

Если начать с общей характеристики результатов, то можно отметить, что сама тема «отмены» в публицистической и исследовательской литературе приобрела широкую популярность, причём не только в местах её происхождения и доминирования, но и на отечественных просторах. Мало кого из авторов, пишущих по этой

проблематике, она оставляет более или менее бесстрастными или пытающимися сохранить нейтралитет. Но если все же двинуться в этом направлении, то, отталкиваясь от их суждений, можно выделить следующие черты этого весьма примечательного явления.

Так, по мнению одного из авторов, термин «культура отмены» охватывает совокупность коллективных стратегий, используемых активистами для оказания неформального давления (путём нанесения ущерба репутации, подрыва карьеры, отказа в доступе к общественным платформам и создания оснований для судебного преследования) на влиятельных лиц за их оскорбительные слова или действия, чтобы добиться их привлечения к ответственности перед обществом [Norris 2023, 148]. Исследовательница Дебора Эпплман трактует «отмену» как набор действий, направленных на общественное осуждение кого-либо за предполагаемые или действительные нарушения социального порядка, которые не были надлежащим образом устранены традиционными средствами¹. Американская исследовательница Ева Нг характеризует её как прекращение поддержки кого-либо на основе заявлений о неприемлемости чьих-либо слов или действий [Ng 2022, 142].

Практически все авторы сходятся в убеждении, что своеобразной сверхзадачей «культуры отмены» является восстановление социальной справедливости, нарушенной актами сексизма, гетеросексизма, гомофобии, расизма, буллинга, теми или иными видами домогательств, в отношении персон, не способных по тем или иным причинам оказать сопротивление, объектом – как правило, влиятельные личности, их высказывания или действия, а инструментом осуществления – формы осуждения, используемые по причине неэффективности формальных процедур. Вот почему цитированная выше Ева Нг обсуждает распространяющуюся в литературе тенденцию перейти от «культуры отмены» к так называемой «культуре подотчётности», или «ответственности», направленной на признание нанесённого индивидами и их словами или действиями ущерба [Ng 2022, 140]. Американский автор Чарльз Кларк призывает даже отменить сам термин «отмена» как чрезмерно перегруженный спорными коннотациями и перейти к идее ответственности, так что речь должна идти не столько о карательных санкциях как самоцели, а о справедливости и честности как пути к искуплению². По сути, мы

¹ Appleman D. Literature and new Culture wars: Triggers, Cancel culture and Teacher's dilemma. W.W. Norton & Company, 2022.

² Clark Ch.T. Column: Retire the phrase 'cancel culture' and focus on what really matters, accountability // San Diego Union-Tribune. 2021. Feb. 23. URL: www.sandiegouniontribune.com/2021/02/23/column-retire-the-phrase-cancel-culture-and-focus22 (accessed: 10.11.2024).

наблюдаем невиданный взлёт этического дискурса в современной культуре, для характеристики которого видится уместным использование понятий «прикладные этики» и «культурный империализм», предполагающее экспансию и модификацию традиционного морального словаря.

Продолжая направление аналитического обзора, стоит указать на аспекты, кажущиеся более или менее бесспорными. Прежде всего отметим динамический момент в «культуре отмены», а именно её распространение на новые предметные области и тенденцию к своеобразной глобализации. Первая черта наиболее яркое воплощение нашла в сфере исторической памяти. Так, Елена Беляева и Андрей Линченко уделяют особое внимание использованию «культуры отмены» как общественной практики отношения к истории, направленной на переосмысление значения событий прошлого на основании современных представлений о справедливости [Беляева, Линченко 2023, 301]. Понятно, что по отношению к такого рода объектам процедуры отмены приобретают все более символическое звучание. Отечественные исследователи обсуждают перспективы применения дискурса «отмены» к России, что нашло своё выражение в утверждении об «отмене России», в частности в сферах бизнеса, культуры, спорта, образования и науки [Дериглазова, Погорельская 2023, 9]. В наиболее категоричной форме заявляется даже о стремлении вычеркнуть «русский след» из мирового культурного наследия [Рустамова, Иванова 2023, 439]. Вторая черта заключается во всё растущей универсальности «культуры отмены». Так, выше была отмечена её отечественная специфика. Ева Нг описывает формы «цифрового национализма» в КНР [Ng 2022, 101–136].

Оставляя пока в стороне тезис об обоюдоострой применимости дискурса «отмены» (он может связываться с искренними попытками восстановления справедливости или воплощать идеологические интенции), укажем ещё раз в качестве промежуточного вывода на перспективы его потенциального использования в областях, которые на первый взгляд могут показаться далёкими от насущных интересов её сторонников, тем более что современные технологии предоставляют для этого поистине безграничные возможности. Поэтому тема, кажущаяся локальной, приватной или далёкой от актуальности, благодаря их применению может приобрести массовое или публичное звучание, охватить умы и сердца всех и везде.

Это суждение позволяет перейти к следующему аспекту темы. Как известно, основание для широкомасштабной публичной критики знаковых персонажей большинство исследователей усматри-

вают в развитии феномена, известного как цифровая культура, или социальные сети, а также, по терминологии некоторых авторов, в формировании так называемого «виртуального коллективного сознания». В этой связи отечественный исследователь Михаил Немцев отметил появление мира децентрализованных глобальных медиа, в котором информационные волны формируются столь быстро, что контроль над ними невозможен, но они становятся основой для стихийной самоорганизации масс активистов [Левина, Немцев 2023, 257]. Поэтому резонно утверждать об общественной активности как характерной черте «культуры отмены», даже если она инициируется активистами или представителями тех или иных элит. Можно сказать в духе Маршалла Маклюэна, что социальные сети не просто её усиливают. По сути, они делают публичной даже приватную информацию либо распространяют её на те сферы, где она до этого не предполагалась.

В более масштабном смысле стоит говорить о складывании нового типа культуры, которую американский исследователь Генри Дженкинс назвал «культурой конвергенции», или «конвергентной культурой». Под конвергенцией Дженкинс подразумевал процесс распространения мультимедийного контента через различные платформы, а также взаимодействие различных секторов медиапроизводства для удовлетворения разнообразных потребностей аудитории. Вот почему конвергенция оказалась наиболее уместным термином, описывающим технологическую, промышленную, культурную и социальную интеграцию различных медиаформатов [Jenkins 2006, 2–3]. Поскольку, по мнению автора, произошла не столько замена, сколько адаптация существовавших средств коммуникации к новым формам медийных технологий путём трансформации своих функций и статуса, идея «конвергенции» представлялась ему более адекватной для характеристики изменений в сфере массмедиа по сравнению с концепцией цифровой революции [Jenkins 2006, 14]. Согласно Дженкинсу, конвергентность выражалась в одновременном переплетении двух потоков: от медиакомпаний, которые использовали ускорение потока медиаконтента для расширения своих возможностей воздействия на потребителя; от самих потребителей, которые приобретали опыт использования разнообразных медиатехнологий для усиления своего контроля над ними и взаимодействия с другими потребителями [Jenkins 2006, 18]. Эта же мысль нашла отражение в утверждении отечественных исследователей¹ о перспективах доступности к

¹ А.А. Дыдров, В.С. Невелева, С.В. Тихонова, Е.О. Труфанова (см., в частности, их статью «Человек в цифровую эпоху», опубликованную в данном журнале в № 4 за 2022 год).

Интернету и цифровым технологиям не только благодаря воплощению демократических инициатив по преодолению «цифрового разрыва», но и в ходе стремления различных экономических субъектов увеличить таким путём рынки сбыта.

Дженкинс введением понятия «коллективный разум» акцентировал внимание ещё на одном значимом аспекте медиаконвергенции. Он полагал, что именно объединение различных фрагментов информации, полученных от множества индивидов, позволяет создать целостную картину. Таким образом, коллективный разум представлял альтернативой традиционным источникам господства СМИ. Поэтому Дженкинс приходил к оптимистичному выводу о потенциале использования коллективного разума не только для развлекательных функций, но и для достижения более значимых целей, а именно возможности совместного создания смыслов в рамках популярной культуры для трансформации базисных принципов религии, образования, правовой системы, политической сферы и иных социальных практик [Jenkins 2006, 4].

Автор неоднократно подчёркивал, что конвергенция предполагает чуткую реакцию медиакомпаний на вкусы и интересы потребителей. Правда, суть этой реакции им более связывалась с расширением возможности последних высказываться в адрес СМИ [Jenkins 2006, 248] и соучаствовать в создании контента [Jenkins 2006, 255]. Недаром в современной литературе стало популярным использование термина «просьюмеры», синтезирующего активность потребителей и производителей. Дженкинс обоснованно и пронизательно указывал на отсутствие каких-либо гарантий более ответственного использования новой власти с их стороны, нежели это делали национальные государства или корпорации [Jenkins 2006, 245]. Однако его конечный вывод состоял в надежде, что потребители обретут большее влияние только тогда, когда осознают и будут применять полученную власть не только как потребители, но и как граждане, как полноправные субъекты культуры [Jenkins 2006, 260].

Теперь мы можем видеть, какие новые аспекты выявились в конвергентной культуре с момента написания книги. Она приобрела облик вовлеченности различных звёзд массовой культуры в социальные сети и превратила её в имманентную и необходимую черту современной культурной индустрии, что, с одной стороны, кратно усиливает их популярность, но, с другой стороны, облегчает возможность возлагать на них ответственность за сказанное [Ng 2022, 17]. Поэтому «культуру отмены» можно считать составной частью логики развёртывания конвергентной культуры как в том, что ка-

сается форм и направлений усиления роли потребителей, так и в том, что относится к превращению собственной потребительской активности в формы и направления активности гражданской.

По сути, именно последний аспект стал предметом наиболее радикальных оценок. Так, в одной из публикаций отмечается, что социальные сети благодаря скорости распространения информации, анонимности пользователей и возможности быстрой реакции усиливают уже существующие формы агрессии и травли. Хотя другие авторы, напротив, считают, что эти свойства, скорее, становятся инструментом противодействия злоупотреблению властью, усиленной неспособностью государства защитить своих граждан¹. Американский журналист Даниэль Ковалик акцентирует внимание на способности «культуры отмены» подавлять свободу выражения мнений, вынуждающей людей скрывать свои убеждения и замалчивать важные вопросы². Канадский специалист Марк Ефтович проводит параллель между «культурой отмены» и концепцией Паноптикона, утверждая, что первая представляет собой своего рода собрание виртуальных патрульных групп активистов, сканирующих интернет-пространство в поисках признаков неприемлемых или оскорбительных взглядов³. Ещё один американский публицист Норман Финкельштейн акцентирует внимание на том, что современные практики «отмены» уже не требуют применения радикальных мер в виде создания «чёрных списков». Одна из его ключевых разоблачительных идей заключается в утверждении о подлинной скрытой сути «культуры отмены», состоящей в смещении интереса общественности с классовой борьбы к иным видам неравенств. По сути, это изобретение элит, призванное отвлечь внимание от сохраняющейся классовой пропасти⁴. Американский автор Поль Дю Кенуа характеризует «культуру отмены» как одно из наиболее пагубных явлений нашего времени и на этом основании отказывает ей в демократичности. Он полагает, что она, скорее,

¹ Mishan L. Notes on the Culture. The Long and Tortured History of Cancel Culture. The public shaming of those deemed moral transgressors has been around for ages. As practiced today, though, is the custom a radical form of citizen justice or merely a handmaiden to capitalism? // T Magazine. 2020. Dec. 3. P. 42. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/03/t-magazine/cancel-culture-history.html> (accessed: 08.11.2024).

² Kovalik D. Cancel this Books. Progressive Case against Cancel Culture. Hot Books, 2021.

³ Jiftovic M., Smith Ch. Unassailable: Protect Yourself from Deplatform Attacks, Cancel Culture & other Online Disasters. AxisOfEasy Media, 2020.

⁴ Finkelstein N. I'll Burn That Bridge When I Get to It! Heretical Thoughts on Identity Politics, Cancel Culture, and Academic Freedom. Sublation Media, 2023.

представляет собой стремление навязать обществу своё видение справедливости, успешное настолько, насколько объекты «отмены» не проявляют воли к сопротивлению. Поэтому автор считает своей насущной практической задачей собрать примеры успешного противодействия «культуре отмены»¹.

Наша статья как текст исследовательского характера, конечно, не может преследовать цель сформировать какое-либо однозначное оценочное отношение к «культуре отмены». Более того, трудно утверждать, что среди академического сообщества, активистов и публицистов доминирует позитивная или негативная оценка. Но на один аспект критики стоит обратить внимание. Один из ключевых аргументов противников «культуры отмены» заключается в тезисе, что она фактически подрывает один из столпов современного общества, а именно свободу слова. По мнению американского публициста Алана Дершовица, сторонники «отмены» отрицают правомерность сохранения нейтралитета по отношению к формам неравенства, поскольку свобода высказываний должна предоставляться исключительно тем, чьи взгляды совпадают с их собственными. Такое поведение нарушает предложенный самим Дершовицем «тест на круг цивилизованности» о необходимости содержательной и политической нейтральности форм и норм полемики дискурса². Но дело в том, что автор и все обвинители «культуры отмены» в этом грехе зачастую игнорируют как содержание многих речей и действий её сторонников, так и смысл вводимых ими ограничений. Дело в том, что расистские или гендерфобные высказывания, по поводу которых осуществлялись акции «отмены», отнюдь не являются политически нейтральными. По сути, именно они строятся на ограничении права на свободу, но тогда не всё, что говорится или может быть сказано, является её воплощением, подобно тому как рынок, параллели с которым проводит автор, может существовать только при введении запрета на его монополизацию. Иначе говоря, чтобы свобода стала действительно возможной для всех, кое-что должно быть запрещено. Поэтому возможно, что тема вполне правомерной критики «культуры отмены» должна вращаться вокруг не столько того, что говорится, сколько того, как это делается.

В этом плане стоит обратить внимание на суждения американского публициста Эрнста Оуэнса, представляющие сами акты

¹ du Quenoy P. Cancel culture: tales from the front lines. Washington: Academica Press, 2021.

² Dershowitz A. Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process. Hot Books, 2020.

и дискурс «отмены» в ином свете. С первых страниц своей книги «Аргументы в пользу культуры отмены» автор настаивает на видении «культуры отмены» как многообещающего пути для реальных изменений, а не просто как новой цифровой формы протеста. Он справедливо отмечает, что она переполнена разными нюансами, весьма субъективна и высоко доступна, поэтому легко может стать как формой защиты, так и орудием террора, что делает её скорее инструментом, средством, а не конечной целью. Но и как инструмент «отмену» не следует сводить к простому запугиванию, гневным речам в медиа, вкусовщине, рекламному ходу или специфике молодёжного протеста, обусловленного впечатлительностью и незрелостью молодых людей. Это не первое, а более последнее средство, к потенциалу которого нельзя относиться легкомысленно. «Культура определяется не победами или поражениями, а явной решимостью добиваться перемен» [Owens 2023]. Поэтому автор резонно заключает, что её ключевой целью является формирование чувства ответственности за свои слова и действия для создания долгосрочного эффекта, а именно уменьшения вреда потенциальным будущим жертвам и примера другим потенциальным обидчикам [Owens 2023]. Вот почему «культуру отмены» следует описывать в терминах процесса, а не статического состояния, ведь вещи, которые сегодня кажутся значимыми, завтра могут стать объектами «отмены», а люди, презираемые сегодня, – воплощением прозорливости в будущем [Owens 2023].

Вот этот тезис автора о трактовке «отмены» как средства, а не цели, позволяет сформировать приемлемую методологическую рамку ещё для одного важного утверждения. Речь идёт о различии интерпретаций понятия «культура» в зарубежной и отечественной традициях. Когда-то американская исследовательница Энн Свидлер предложила концепцию культуры как «набора инструментов», или репертуара, из которого индивиды выбирают различные элементы для формирования своих поведенческих стратегий [Swidler 1986, 273]. Хотя она сама оговаривала, что культуру не следует сводить к простой совокупности орудий или действий, используемой для любых целей, поскольку «действия с необходимостью интегрируются в более широкие ансамбли, которые можно обозначить как “стратегии действий”» [Swidler 1986, 276]. Поэтому Свидлер выступала, скорее, против достаточно распространённой трактовки культуры как совокупности масштабных целей-ценностей, что сводило интерпретацию и оценку действий индивидов лишь к максимизации средств для их достижения.

Свидлер предлагала трактовать культуру как инструментарий для конструирования стратегий или стилей поведения как более устойчивых оснований по сравнению с изменчивостью целей [Swidler 1986, 277]. Таким образом, действия по «отмене» в контексте их трактовки как культуры могут быть поданы как определенные шаблоны действий. Недаром в своей полемической работе российский исследователь Анатолий Фефелов отмечает, что семантическое значение глагола «отменить» может переноситься общественным сознанием с отдельных субъектов культуры на культуру в целом [Фефелов 2022, 132]. Этот перенос особенно заметен среди отечественной аудитории, привыкшей воспринимать культуру в духе Шпенглера. Такое прочтение естественным образом позволяет сместить акцент с «культуры отмены» на «отмену культуры». В итоге термин «отмена» начинает описывать не только акт бойкота как форму социального воздействия, но изменения в оценке значимости различных культурных артефактов, ассоциируемых с самой культурой.

Это несколько пространное рассуждение о разном прочтении сути культуры позволяет прояснить тезис, выдвинутый в статье того же Фефелова о ценностном конфликте, который лежит в основе «культуры отмены» [Фефелов 2022, 132] и стал толчком для столь популярного утверждения о том, что события и ситуации, происходящие под знаком «отмены», знаменуют приход так называемой «новой этики». Соблазнительно, конечно, толковать всю совокупность шумных акций как отказ от устоявшейся системы ценностей, в частности от ориентации на многообразие взглядов, терпимость и свободу слова. Тем не менее более правомерным видится утверждение отечественного автора Артемия Магуна, согласно которому так называемая «новая этика» касается совсем другого аспекта, а именно вопроса определения приемлемых границ коммуникации и выработки соответствующих её регуляторов¹. Недаром он считает правомерным обозначить это явление «новой моральной чувствительностью» или «новой моральной аллергией». Ему вторит Немцев, когда утверждает, что, по сути, вся новизна проявляется в смещении так называемой «массово приемлемой нормы терпимости», или своеобразной «серой зоны», где трудно установить правила, а приемлемость слов или действий зависит от выработки негласных конвенций. Вот потому и возникает резонный риториче-

¹ Сысоев Т. Философ Артемий Магун: «Новая этика» – это не про культурность, а про «новую моральную аллергию», которая пришла к нам из США» // Культура. 2021. 26 фев. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/world/331659-filosof-artemiy-magun-novaya-etika-eto-nepro-kulturnost-a-pro-novuyu-moralnuyu-allergiyu-kotoraya-p> (дата обращения: 10.11.2024).

ческий вопрос: какие новые нормы предписывает «новая этика»? [Левина, Немцев 2023, 260].

Можно продолжить рассуждения о перспективах «новой этики». Предполагаемый прогресс в этике мог бы заключаться в разработке нового морального кодекса. Но интенции активистов «культуры отмены» не подразумевают ни создания принципиально новых нормативных стандартов, ни даже расширения объектов приложения моральных требований. Обратившись к анализу положений столь популярной ныне теории добродетели (как альтернативы деонтологии), Гаррат Уильямс из Ланкастерского университета видит в ответственности особую добродетель современного субъекта [Williams 2008, 456]. Призыв к ответственности действительно стал центральной темой «культуры отмены». Однако реакция на несправедливость, проявления дискриминации и ксенофобии едва ли могут считаться формирующейся новой добродетелью. В ответственности, скорее, следует видеть структурный компонент любой моральной нормы, без которого невозможно формирование добродетелей и который составляет неотъемлемую часть адекватной моральной реакции на любые явления с этической окраской. Вот почему тот же Магун связывает «культуру отмены» с не столько действиями так называемых «левых», сколько с требованием обычной буржуазной благотворительности воздать должное меньшинствам за их лишения или за лишения их предков¹.

Подводя ещё один промежуточный итог, мы могли бы настаивать на способности любой продуктивной метафоры, включая «новую этику», провоцировать мышление к открытию новых перспектив, но есть подозрение, что в данном случае она остаётся всего лишь метафорой, способной реализовать лишь риторическую функцию. Можно, конечно, пытаться трактовать дискурсы и практики «отмены» как символическое выражение нового отношения к определенным ценностям или связывать их с рождением такого отношения. Но похоже, что основное обвинение, предъявляемое «культуре отмены», сводится к её посягательству на свободу слова, поскольку вряд ли всеми заинтересованными сторонами будет морально одобряться то или иное проявление социальной несправедливости. Но тогда столь же сомнительным будет призыв вступать в дискуссии с теми, чьи слова или действия могут носить расистский оттенок. Хотя, конечно, вопрос об их интерпретации или в целом о приемлемости средств, используемых «культурой отмены», остаётся в силе.

¹ Сысоев Т. *Op.cit.*

Поэтому, как кажется, ключевой претензией к «культуре отмены» становятся методы, применяемые её сторонниками, а точнее, уровень сопровождающего их эмоционального накала. Здесь и коренится ещё один упрёк в сторону акций «отмены». Суть его в том, что, как замечено Немцевым и другими авторами, социальная проблема, поднятая шумной компанией, как правило, не решается. Последнее требует более пристального внимания и других форм активности, менее заметных для широкой общественности. В итоге такие мероприятия оказываются как бы «растворёнными» в повседневности и потому не привлекают большого внимания со стороны СМИ [Левина, Немцев 2023, 263]. Поэтому концентрация внимания на личностях и событиях, которые находятся в сфере, так сказать, визуальной или наблюдаемой, может вести к смещению фокуса с глубинных структурных причин на их поверхностные эффекты, чем способствовать игнорированию фундаментальных факторов, лежащих в их основе [Ng 2022, 65]. Однако, с другой стороны, не стоит отрицать роли внешних форм выражения как потенциального катализатора для более глубокого осмысления скрытых социальных процессов [Ng 2022, 140]. Именно это обстоятельство может послужить основой для так называемого «ценностного поворота».

Обсуждение результатов и выводы

Подводя итог анализу свойств «культуры отмены», мы могли бы сделать следующий вывод. Действительно, можно трактовать её как существенный, а возможно, определяющий вклад в так называемый «ценностный поворот» в понимании современной культуры и общества в целом. Но, судя по всему, происходит он не в виде формирования так называемой «новой этики», поскольку базисный моральный принцип, на котором строится современная мораль, а именно уважение к достоинству личности, остаётся неизменным. Скорее, стоит говорить, что сама идея достоинства наполняется новыми чертами, начинает применяться к новым общественным сферам и характеризоваться новыми инструментами её реализации.

Отечественными авторами отмечается, что так называемая «новая этика» акцентирует внимание не только на эксплицитных языковых и речевых проявлениях социальных (гендерных, этнических, религиозных и др.) стереотипов и предрассудков, но также на имплицитных элементах дискурса, которые обуславливаются патри-

архальными традициями и ассоциациями, зачастую недостаточно осознанными самими участниками коммуникации [Ефремов, Матвеева 2023, 266]. Если это так, то поворот, похоже, происходит не в форме традиционного политического размежевания на «правых» и «левых». Мы полагаем, что речь идёт о продолжающемся и весьма болезненном переходе культуры и общества к новым формам жизни вне зависимости от того, осознаётся ли он в дискурсах и практиках, рядится ли в формы традиционного языка описания либо предполагает поиск новых средств выражения. Более того, резонно предполагать, что не все те, кто идентифицирует себя как сторонников «культуры отмены», видят в ней прорыв к новым горизонтам, как и те, кто выступает против, жаждут возвращения к «старым добрым временам». Дело, скорее, в том, как будет выглядеть современное социально-культурное поле: продолжит ли оно движение в сторону все большей сегментированности и дифференцированности либо будет стремиться к сохранению тех или иных форм унифицированности и однородности.

Логично предположить, что эти тенденции будут требовать разных языков описания и разных типов оценок, в частности разных способов интерпретации объектов, как правило, визуально представленных, и, соответственно, строиться на разной методологии их анализа. Поэтому для сознания, привыкшего мыслить в так называемой «культуре подозрения», а точнее, воспринимать социальную реальность в категориях «внешнее / внутреннее» и искать скрытый, как правило, эгоистический и к тому же унифицированный интерес, может показаться удивительным и даже наивным тезис, что за словами и действиями участников и даже активистов тех или иных движений не стоит искать никакого скрытого умысла, что они имеют или могут иметь ценность сами по себе, что эффективность тех или иных форм воздействия на ту или иную значимую персону в глазах участников акций и будет восстановлением социальной справедливости.

Но даже если трактовать внешние эффекты лишь как символический ряд или код, в котором зашифрованы некие скрытые смыслы, то предлагаемая методология требует различать разные способы его прочтения. Как ни удивительно, с её позиции немногим будут отличаться друг от друга стремления сводить все многообразие проявлений тоже «культуры отмены» к воплощению воли к власти, будь то воля активистов или властных элит, к проявлению классовой борьбы или, наоборот, отвлечению от неё, к посягательству на свободу слова или, напротив, её высвобождению. Небезы-

известный Жижек называл этот эффект «точкой пристёжки» [Жижек 1999, 93]. В любом случае речь будет идти о видении мира, где действуют универсальные причины всего и вся и столь же универсальные ценности, будь то стандарты нормальности или стандарты освобождения, а изменения в нём строятся на замене одного единого образа другим. Тогда интерпретация мира как сегментированного, как чувствительного к различиям предполагала бы, во-первых, невозможность, точнее ненужность, универсалистских трактовок общества или его сегментов. Ну или не требовала бы априорного толкования общества как однородной или как раз и навсегда установленной системы со столь же унифицированной совокупностью мотиваций её агентов.

Во-вторых, если исходить из унифицированного подхода, то, конечно, вполне правомерной была бы трактовка слов и действий участников тех или иных движений как отвлекающих от так называемой «подлинной» реализации социальной справедливости и редукции их слов и действий к чисто символическим или замещающим реализацию собственно справедливости. Во втором случае, напротив, отчётливо осознавалось бы, что сама идея справедливости носит исторический (поскольку само требование справедливости востребуется лишь определенными типами и этапами общественной жизни) и так называемый «нацеленный» характер: формальное единство, но содержательное разнообразие применительно к разным объектам подобно тому, как справедливость к «сильным» не может быть такой же, как справедливость к «слабым». Этот подход, собственно, и строился бы на представлении, что в разных социально-культурных сферах практики реализации вполне общих идей, а возможно и сами идеи, будут принимать разный облик. Можно сказать, что он был бы чем-то сродни так называемому «инженерному», или «поэлементному», подходу, когда-то выдвигавшемуся Карлом Поппером [Поппер 1993, 97–100]. Тогда все разнообразие дискурсов и практик, пусть даже символически наполненных, трактовалось бы как лишь части некоторой конкретной целостности, пусть и объединённой общей идеей восстановления справедливости в той или иной конкретной сфере общества или культуры. В другой сфере оно требовало бы других дискурсов и практик или другой их интерпретации.

Такая методология вполне правомерно могла бы быть применена к анализу как актуальных, так и потенциальных практик и включала бы в себя последовательную реализацию как критического, так и нормативного аспектов. Первый резонно было бы ис-

пользовать для осмысления дискурсов и действий, осуществляемых сторонниками и противниками «культуры отмены», а именно для разоблачения имплицитных или эксплицитных, намеренных или неосознаваемых притязаний на унифицированность объяснений или предлагаемых рецептов объяснений. Второй аспект уже вполне адекватно выражен в идеях того же Оуэнса о том, как и в чем надлежит видеть смысл предлагаемых и осуществляемых дискурсов и действий.

Представляется, что этот подход можно использовать как методологический ориентир в обсуждении вопроса о значении так называемых семейных ценностей в контексте «культуры отмены». Оттолкнёмся от слов уже цитированного нами Оуэнса: «Вещи, которые нам кажутся значимыми сегодня, завтра могут быть отменены» [Owens 2023]. Для начала отметим положения, которые кажутся относительно бесспорными. Резонно полагать, что место и роль семейных ценностей в современной культуре может и будет обсуждаться в рамках так называемой гендерной проблематики. Столь же бесспорным следует считать тот факт, что эта проблематика не сводится к тематике собственно семейных ценностей, а находится, скорее, на периферии темы гендера и является либо её составной имплицитной частью, либо опять-таки её скрытым подтекстом. В современном обществе она более приобретает облик борьбы с сексизмом или с совокупностью идеологий и практик дискриминации людей по признаку пола, пересекающейся или накладывающейся на практики критики расизма или предвзятого отношения к тем или иным меньшинствам. Далее. Если допустить, что ключевую роль в реализации «культуры отмены» играет молодёжь, то резонно предположить, что вряд ли семейные ценности находятся в фокусе внимания молодёжи, тем более студенческой, ну или в целом городской. Даже если это и будет иметь место, то, скорее, в аспекте негативном. Но, с другой стороны, если исходить из всё более расширяющейся вовлеченности современного индивида в социальные сети и потенциала «культуры отмены» охватывать всё новые и новые объекты, то можно допустить, что нет никаких препятствий вовлечению именно семейных ценностей в орбиту общественного интереса.

Очевидно, что при таком положении дел речь должна идти о конкретно-историческом и специфическом социально-культурном контексте предлагаемых интерпретаций. Если в рамках приемлемой теоретико-методологической рамки отталкиваться опять-таки от последовательного применения критического и нормативного

аспектов, то резонно начать с обсуждения вопроса о том, от какого наследства следует отказаться. Целесообразно начать с рассмотрения достаточно распространённой в литературе позиции, согласно которой семейные структуры в значительной мере воспроизводят укоренившиеся гендерные модели общества, а в семье видится основной социальный институт, транслирующий нормативные установки и ожидания [Ловцова 2024, 324]. Даже если этот тезис вступает в противоречие с эмпирическими данными, то вряд ли кто-то будет отрицать, что семья остаётся одной из ключевых современных ценностей в глазах как государства, так и общества в целом.

Более того. Даже если семейные ценности не ставятся во главу угла, например у молодёжи или в свете ориентаций на успех, карьеру, это обстоятельство отнюдь не означает, что семья рушится и как институт, и как ценность. Вполне резонно полагать, что в ситуации возможного кризиса индивидуализма, скорее, следует ожидать возрождения тех форм жизни, которые современный человек связывает с поисками ниш, обеспечивающих доверие, и возможности, так сказать, быть самим собой. Как правило, в современной культуре их принято связывать с семьёй и / или религией. Это утверждение означает, что вопрос о семейных ценностях – прежде всего вопрос об их современной трактовке и о тех их явных или неявных интерпретациях, которые вызывают вполне резонный скепсис у индивида и вряд ли могут претендовать на роль нормативного идеала либо, наоборот, отвечать его ожиданиям. Поэтому цитированная выше Ловцова приходит к выводу, что сведение дискурса «семейных ценностей», «автономии семьи», «моральных норм» к предельной абстрактности только способствует созданию множества интерпретаций и значений, которые могут служить инструментом для укрепления зависимости женщины [Ловцова 2024, 327].

Хорошим образцом экспликации данного тезиса могут служить выводы американских исследователей Сьюзен Гал и Гейл Клигмен по поводу распространённых в США дискуссий о кризисе семейной жизни и суждений о его причинах, которые связываются с отказом от «семейных ценностей». Более того, как отмечают авторы, в своих аргументах сторонники данных убеждений опираются на статистические показатели о росте уровня разводов, снижении рождаемости, увеличении количества одиноких родителей, а также упадке домохозяйства, состоящего из нуклеарной семьи с традиционным распределением социальных ролей и воплощающего своеобразный «идеал» ячейки общества [Гал, Клигмен 2024, 367]. Но, по мнению авторов, резонно предположить, что в их основе ле-

жит имплицитная априорная установка общественного сознания о семье как воплощении или островке стабильности и подлинности, которая превращает её в своеобразный объект сакрализации, хотя такую трактовку, как и описание причин кризиса семьи, следует считать, скорее, «дискурсивными конструкциями» [Гал, Клигмен 2024, 347–348]. Недаром многие исследователи подчёркивают, что негативные и позитивные установки по отношению к семье формируются в том же общественном сознании вокруг конкретной модели семьи, а именно нуклеарной семьи, где мужчина выступает в роли основного кормильца, тогда как домашние обязанности возлагаются преимущественно на женщину [Ловцова 2024, 324–325].

Однако, похоже, вопреки утверждениям и прогнозам о падении ценности и даже исчезновении института семьи, более реалистичным видится тезис о том, что, не смотря на появление многообразия жизненных альтернатив и их ценностное закрепление в общественном сознании, семья не исчезает, а, скорее, меняется и благодаря своей гибкости и вариабельности сохраняет вполне достаточные ресурсы для адаптации к изменяющимся условиям. Поэтому более доминирующим и достаточно реалистичным кажется утверждение о размывании и постепенном отказе от модели традиционной семьи как стержня семейных ценностей, о том, что даже чисто статистически эта модель уже не может претендовать на роль так называемого нормативного идеала, не говоря уже о практике, что само понятие семьи, как и характеристика так называемых семейных ценностей, превращается в нечто вроде «зонтичного» понятия, которое покрывает фактическое актуальное и потенциальное разнообразие моделей, в том числе воплощённых или воплощаемых, признаваемых и даже одобряемых в общественной практике.

В конечном итоге мы вполне можем согласиться с тезисом о сохранении базовых функций семьи [Ловцова 2024, 332] и даже их конститутивной роли в составе семейных ценностей вне зависимости от многообразия современных форм существования семьи, но, полагаем, что теоретико-методологическая рамка их анализа должна строиться на следующем комплексе установок: а) даже если допустить, что эти функции начинают отделяться друг от друга и зачастую уже не отождествляться с понятием семьи, то в любом случае могут обладать разной значимостью и ценностью для разных индивидов, что и надлежит учитывать в соответствующей постановке вопросов; б) данный комплекс функций может предполагать разные трактовки, наиболее типичные версии которых должны быть отрефлексированы; в) все эти разнообразные истолкования могут

порождать как негативные, так и позитивные последствия, которые также надлежит учитывать. Вот почему Клигмен и Гал акцентируют внимание на том, что зависимость или независимость семьи от государственных и рыночных структур обретает относительный характер вследствие многообразия связей, объединяющих индивидов и различные поколения, поэтому каждая из таких взаимосвязей имеет свои уникальные последствия для самоидентификации, мобилизации ресурсов и повседневной жизнедеятельности индивидов [Гал, Клигмен 2024, 367]; ну и наконец г) следует иметь в виду, какой нормативный идеал ожидается в трактовке так называемой «хорошей семьи». Возможный образец мы можем обнаружить в размышлениях шведского автора Барбры Леннеер-Аксельсон в её тезисах о мужчине будущего как ответственном отце и партнёре [Леннеер-Аксельсон 2024, 408].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляева, Линченко 2023 – Беляева Е. В., Линченко А. А. Этизация истории и фигуры умолчания в современной культуре отмены // Молчание и умолчание в истории / под ред. О. В. Воробьевой. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2023. С. 300–322.
- Гал, Клигмен 2024 – Гал С., Клигмен Г. Формы государства, формы семьи // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 1, № 3/4. С. 341–370.
- Дериглазова, Погорельская 2023 – Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, № 4. С. 7–33.
- Ефремов, Матвеева 2023 – Ефремов В. А., Матвеева С. У. Язык и гендер в аспекте новой этики // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2023. № 210. С. 265–274.
- Жижек 1999 – Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. М.: Художественный журнал, 1999.
- Левина, Немцев 2023 – Интервью Т. В. Левиной с М. Ю. Немцевым. Насколько уместна критика «новой этики» в современной России? // Историческая экспертиза. 2023. № 1 (34). С. 256–265.
- Леннеер-Аксельсон 2024 – Леннеер-Аксельсон Б. О любви, гендерном равенстве, сексуальности и насилии // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 1, № 3/4. С. 397–409.
- Ловцова 2024 – Ловцова Н. И. «Здоровая благополучная семья – опора государства»? Гендерный анализ семейной социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 1, № 3/4. С. 323–339.

- Поппер 1993 – *Поппер К. Р.* Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. М.: Прогресс – ВИА, 1993.
- Рустамова, Иванова 2023 – *Рустамова Л. Р., Иванова Д. Г.* «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 434–444.
- Фефелов 2022 – *Фефелов А. Ф.* Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144.
- Jenkins 2006 – *Jenkins H.* Convergence culture: where old and new media collide. New York: University Press, 2006.
- Ng 2022 – *Ng E.* Cancel Culture. A Critical Analysis. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Norris 2023 – *Norris P.* Cancel Culture: Myth or Reality? // Political Studies. 2023. Vol. 71 (1). P. 145–174.
- Owens 2023 – *Owens E.* The Case for Cancel Culture: How This Democratic Tool Works to Liberate Us All. New York: St. Martin's Press, 2023. (<https://www.indigo.ca/en-ca/the-case-for-cancel-culture-how-this-democratic-tool-works-to-liberate-us-all/9781250280930.html?lgcykwrd=9781250280930>).
- Swidler 1986 – *Swidler A.* Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. P. 273–286.
- Williams 2008 – *Williams G.* Responsibility as a Virtue // Ethical Theory and Moral Practice. 2008. №. 11. P. 455–470.

REFERENCES

- Belyaeva, E. V., & Linchenko, A. A. (2023). Ethicization of History and the Figure of Silence in the Contemporary Culture of Cancellation. In O. V. Vorobyova (Ed.), *Molchanie i umolchanie v istorii* [Silence and Silencing in History] (pp. 300–322). Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Deriglazova, L. V., & Pogorelskaya, A. M. (2023). Cancellation Culture in Politics and International Relations. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 16(4), 7–33. (In Russian).
- Efremov, V. A., & Matveeva, S. U. (2023). Language and gender in the aspect of new ethics. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 210, 265–274. (In Russian).
- Fefelov, A. F. (2022). Discourse around cancel culture as an object of linguocultural and translation analysis: logic versus “logic”. *Bulletin of*

- NSU. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya*, 20(1), 126–144. (In Russian).
- Gal, S., & Kligman, G. (2024). Forms of State, Forms of Family. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 1(3/4), 341–370. (In Russian).
- Jenkins, H. (2006). *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York University Press.
- Lenneer-Axelsson, B. (2024). On Love, Gender Equality, Sexuality, and Violence. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 1(3/4), 397–409.
- Levina, T. V., & Nemtsev, M. Yu. (2023). Interview: How appropriate is the criticism of the “new ethics” in contemporary Russia? *Istoricheskaya ekspertiza*, 1(34), 256–265. (In Russian).
- Lovtsova, N. I. (2024). “A Healthy, Prosperous Family – a Support of the State”? Gender Analysis of Family Social Policy. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 1(3/4), 323–339.
- Ng, E. (2022). *Cancel Culture: A Critical Analysis*. Palgrave Macmillan.
- Norris, P. (2023). Cancel Culture: Myth or Reality? *Political Studies*, 71 (1), 145–174.
- Owens, E. (2023). *The Case for Cancel Culture: How This Democratic Tool Works to Liberate Us All*. St. Martin's Publishing Group.
- Popper, K. R. (1993). *The Poverty of Historicism*. Progress – VIA. (In Russian).
- Rustamova, L. R., & Ivanova, D. G. (2023). “Cancel Culture” in Relation to Russia and Ways to Combat It. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 25(2), 434–444. (In Russian).
- Owens E. *The Case for Cancel Culture: How This Democratic Tool Works to Liberate Us All*. New York: St. Martin's Press, 2023. (<https://www.indigo.ca/en-ca/the-case-for-cancel-culture-how-this-democratic-tool-works-to-liberate-us-all/9781250280930.html?lgcykwrd=9781250280930>).
- Swidler, A. (1986). Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*, 51, 273–286.
- Williams, G. (2008). Responsibility as a Virtue. *Ethical Theory and Moral Practice*, 11, 455–470.
- Žižek, S. (1999). *The Sublime Object of Ideology*. Khudozhestvennyy zhurnal. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 20.11.2024

Материал поступил в редакцию после рецензирования 13.01.2025